

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-6-49-57
УДК 327.8(045)

САНКЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИНУЖДЕНИЯ СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Егорченков Дмитрий Александрович,

директор Института

стратегических исследований и прогнозов РУДН, Москва, Россия

egorchenkov@isip.su

Данюк Никита Сергеевич,

заместитель директора Института стратегических исследований и прогнозов РУДН, Москва, Россия

danyuk@isip.su

Аннотация. Применение санкций в качестве инструмента реализации политики уходит корнями глубоко в историю международных отношений. Сами же санкционные ограничения могут касаться не только непосредственно экономической, но и политической, дипломатической и других сфер деятельности. Цель принятия санкций всегда была одна – воздействовать на страну-мишень без применения комплексных военных действий, ослабляя ее и подталкивая к политической капитуляции. Одной из наиболее эффективных форм санкционного давления в настоящий момент принято считать экономическую. Это связано с тем, что в условиях создания единого глобального рынка экономические связи стали играть важную роль, соответственно, их разрыв ведет к значительным издержкам. Настоящая статья посвящена анализу санкционных инструментов, которые используют международные акторы для оказания давления на суверенные государства. Цель принятия санкций – воздействовать на страну-мишень без применения комплексных военных действий, ослабляя ее и подталкивая к политической капитуляции. Авторы отмечают, что Соединенные Штаты Америки, выступающие основной движущей силой санкционной политики, используют ее для решения своих геоэкономических и геополитических задач. При этом Запад, который стремится сохранить существующий либеральный мировой порядок, и в частности США, теряющие статус глобального гегемона, использует в качестве новой философской основы для своей идеологии принципы неомодернизма.

Ключевые слова: санкции; неомодернизм; международные отношения; внешняя политика; США; глобальное доминирование; принуждение; геополитика; геоэкономика

SANCTIONS AS A TOOL FOR THE COERCION OF STATES: IDEOLOGICAL ASPECT

Dmitrii A. Egorchenkov,

Director of the Institute for strategic studies and predictions at RUDN University, Moscow, Russia

egorchenkov@isip.su

Nikita S. Danyuk,

Deputy Director of the Institute for strategic studies and predictions at RUDN University, Moscow, Russia

danyuk@isip.su

Abstract. *The implementation of sanctions as an instrument of policy implementation is deeply rooted in the history of international relations. The sanctions restrictions themselves may concern not only the economic but also the political, diplomatic and other spheres of activity. The goal of sanctions has always been the same – to influence the target country without the use of complex military actions, weakening it and pushing for political capitulation. Economic sanctions are today one of the most effective forms of pressure. It is because, in the context of the creation of a single global market, economic relations have become important, respectively, their gap leads to significant costs. This article is devoted to the analysis of sanctions instruments used by international actors to exert pressure on sovereign States. The purpose of sanctions is to influence the target country without the use of complex military actions, weakening it and pushing for political capitulation. The authors note that the United States, which is the main driving force of the sanctions policy, uses it to solve its geo-economic and geopolitical problems. At the same time, the West, which seeks to preserve the existing liberal world order, and, in particular, the United States, losing the status of a global hegemon, uses the principles of neo-modernism as a new philosophical basis for its ideology.*

Keywords: *sanctions; neo-modernism; international relations; foreign policy; USA; global domination; coercion; geopolitics; geo-economics*

В начале прошлого года аналитический исследовательский центр RAND Corporation, имеющий давнюю связь с американским разведсообществом, подготовил доклад «Сила принуждать» о перспективных невоенных стратегиях воздействия на противников и конкурентов США с пометкой «Подготовлено для армии США». Логика документа выглядит очень прямолинейно и откровенно. Приведем несколько цитат:

1. «США становится труднее, дороже и рискованнее использовать военную силу, чтобы противостоять многим угрозам международной безопасности, которые появятся в ближайшие годы. Несмотря на то, что в отдельных случаях не может быть никакой альтернативы военной силе, для политики США нужно большее число невоенных вариантов, из которых можно выбирать невоенные способы принуждения, сдерживания, ослабления и наказания тех стран, которые угрожают миру, безопасности и интересам США».

2. «Для принуждения могут использоваться следующие инструменты управления государствами: экономические санкции, карательные политические меры, кибероперации, скрытые разведывательные операции, военная помощь, пропаганда, ограничение или манипулирование торговлей, запрет перемещения товаров и движения людей, поддержка политической оппозиции».

3. «Россия, Иран и другие менее устойчивые, чем Китай, государства — более привлекательные цели для принуждения (more inviting targets for coercive power)» [1, p. 12].

По мнению американских экспертов, среди основных альтернативных инструментов дости-

жения собственных целей важное место занимают разного рода экономические санкции:

1. «Глобализация торговли, инвестиций, финансов, информации и энергии дают Соединенным Штатам перспективные варианты принуждения, особенно в отношении противников, которые зависят от доступа к таким рынкам и системам».

2. «Прекращение доступа к глобальным межбанковским системам может повлечь серьезный ущерб и болезненные экономические последствия».

3. «Участвовать в финансовых санкциях должны ключевые страны с ведущими банками».

4. «В дополнение к этим инструментам P2C Соединенные Штаты могли бы развивать способность использования энергетических поставок в качестве силы принуждения».

5. «Соединенные Штаты должны отточить свою способность контролировать финансовые активы и потоки и изолировать непокорные государства и банки, которые вступают в хозяйственные отношения с враждебными странами».

6. Умелое и целенаправленное сочетание перечисленных способов может нарушить функционирование и доверие государств и рынков и, таким образом, иметь высокое принуждающее значение (для враждебных режимов) [1, p. 9].

Среди основных современных инструментов санкционного экономического давления необходимо выделить ограничения в области торговли, обмена технологиями, финансового рынка. Интенсивность экономических санкций определяется уроном, наносимым государству, против которого они направлены. Санкции могут охватывать:

- все население страны-мишени, ее экономическую систему;
- политический режим, лиц, принимающих решения;
- отдельные отрасли экономики страны-мишени;
- отдельные финансово-промышленные группы.

Не вызывает сомнения тот факт, что санкции разной интенсивности наносят ущерб государству. Неудивительно, что быстрое развитие санкционных инструментов происходило в период холодной войны, для которого характерно политико-идеологическое противостояние двух систем. Тогда США использовали санкционные инструменты давления по отношению к странам социалистического лагеря, в первую очередь — к СССР. Советский Союз был практически независим от международных финансовых институтов, что делало такое санкционное давление бесполезным, однако оно было эффективным в контексте технологического обмена.

В 1970–1980-х гг. в международных отношениях санкции были использованы 71 раз, при этом в 49 случаях под ударом оказывались развивающиеся страны [2]. Таким образом, становится понятно, что объектами санкционного давления Запада оказывались те страны, которые могли составить ему прямую конкуренцию в будущем или выбрать социалистический путь развития.

Распад социалистической системы не привел к снижению санкционного давления на развивающиеся страны. В 1990-е гг. в связи с победой либерально-капиталистического блока в холодной войне санкционное давление стало использоваться как инструмент продвижения либеральных ценностей среди развивающихся стран. Доктор экономических наук, профессор С. В. Казанцев отмечает: «Санкции — это оружие. Поэтому надо не только от него защититься, но и лишиться его применяющих возможности и желания сражаться. Для этого следует, по крайней мере, защитить свои слабые места (еще лучше их не иметь) и нарастить собственную мощь. Использование инструментария санкций имеет давнюю историю...» [3].

Типическим для холодной войны примером экономических санкций стала политика так называемого «арабского бойкота». Он ставил перед собой, в первую очередь, политические цели и проводился на протяжении длительного временного интервала. Система экономических санкций была лишь одним из инструментов дав-

ления арабских стран на Израиль. Она использовалась в связке с дипломатическими, военными и другими методами. Несмотря на тотальный бойкот государства Израиль со стороны арабского мира, Тель-Авив с успехом смог преодолеть его последствия, поскольку это стало одной из причин, побудивших израильское руководство наладить отношения с ведущими странами Западной Европы и США. В 1977 г. американский конгресс запретил американским компаниям поддерживать арабский бойкот или участвовать в нем [4].

Советский Союз за годы своего существования постоянно подвергался санкционному давлению. Еще до Второй мировой войны СССР подвергался торгово-экономической дискриминации со стороны стран Запада, в первую очередь бывших союзников царской России по Антанте: в 1929 г. был введен запрет на прием от СССР западными банками и фирмами золота, а в 1930 г. — эмбарго на ввоз в страны Европы всех советских товаров, кроме зерна. Отметим, что этот шаг спровоцировал массовый голод в ряде советских республик, от которого больше всего пострадали РСФСР, УССР, КССР.

Окончание Второй мировой войны СССР встретил в стане победителей, внося основной вклад в победу над нацистской Германией. Однако для своих союзников — США и Великобритании — СССР продолжал оставаться идеологическим противником, холодная война уже была на пороге. Как говорилось выше, санкционное давление применяется в тех случаях, когда ведение классической войны не представляется возможным или слишком затратным. Так и было в случае с СССР.

В 1949 г. ряд стран, относящихся к западному блоку: США, Великобритания, Канада, Франция, ФРГ и т. д., объединились в международную организацию — Координационный комитет по экспортному контролю (КОКОМ). Основным направлением деятельности этой организации являлось составление перечня товарных позиций и технологий, экспорт которых в страны только еще формирующегося социалистического блока был запрещен. Таким образом, государства, продвигающие либерально-капиталистические ценности, начали неприкрытое давление на другие страны по идеологическим мотивам.

На протяжении всего периода холодной войны, вплоть до начала перестройки в СССР, т. е. «демонтажа» модели социализма, экономическое давление на страны соцблока постоянно возрастало. В 1974 г. была принята известная поправка Джек-

сона–Вэника к закону о торговле США, ограничивающая торговлю со странами, нарушающими права человека, в частности, препятствующими эмиграции. В 1980 г. США ввели запрет на продажу в СССР новейшей компьютерной техники и ЭВМ. Запад зачастую связывал введение санкций против СССР с его внешней политикой: в 1979 г. были введены (в том числе и политические) санкции за вторжение советских войск в Афганистан, в частности, страны капиталистического мира объявили бойкот Олимпийским играм в Москве в 1980 г., в 1981 г. принятие санкций увязывалось с событиями в Польше и т.д.

Важно отметить, что с постсоветской России, ставшей на западный путь развития, санкции так и не были полностью сняты. Например, поправка Джексона–Вэника была официально отменена в 2012 г. При этом в скором времени Конгресс США принял «Список Магнитского». В 1998 г., после объявления дефолта в России, западные партнеры рассматривали возможность ареста зарубежных счетов Банка России. По политическим причинам вопрос санкций против России поднимался в 1999 г. в связи с событиями в Югославии и в 2008 г. из-за пятнадцатидневной войны в Южной Осетии. Осенью 2013 г. в США рассматривался вопрос о введении санкций в отношении крупных российских банков за сотрудничество с правительством Сирии. Таким образом, Россия фактически всегда в различной степени находилась под санкционным давлением.

Интересным примером использования санкций является экономическое давление на Ирак в 1990–1995 гг., когда были задействованы ресурсы ООН. Как отмечал в своем заявлении в Совете Безопасности ООН действующий на тот момент представитель Кубы А. де Квесада, экономические санкции, введенные резолюцией 661, оказались беспрецедентными за всю историю развития организации. Использование инструментов ООН в интересах западных стран, которые были заинтересованы в ослаблении режима С. Хуссейна, для продвижения своего политического влияния на Среднем Востоке оказалось возможно только с потерей СССР роли сверхдержавы, а затем и его распадом. Однако необходимо отметить, что санкционное давление на Ирак своей цели не достигло: до начала военной операции коалиции во главе с США территория Кувейта, из-за оккупации которого и было оказано давление на С. Хуссейна, находилась под контролем иракской армии.

После окончания холодной войны экономическое давление продолжало оставаться важным внешнеполитическим инструментом. Из 14 случаев применения экономических санкций ООН 12 приходится на период после 1990 г. [2] Наибольший резонанс вызвало применение санкционного режима против Югославии, Ирана и Северной Кореи.

Во время холодной войны СФРЮ играла важную роль во внешнеполитическом курсе США, являясь своеобразной «арбитражной зоной» между двумя сверхдержавами. После развала СССР Югославия — потенциальный союзник России на Балканах — оказалась в центре самой настоящей гибридной агрессии. Во время поездки в Белград в июне 1991 г. американский госсекретарь Дж. Бейкер дал понять силам дезинтеграции, что их попытки расколоть Югославию не встретят сопротивления Вашингтона. Санкции против Югославии в конечном счете затронули каждого гражданина страны. За 1990-е гг. уровень жизни в стране значительно сократился, были созданы предпосылки для появления новых сепаратистских движений.

В идеологическом плане главная опасность, исходившая от Югославии для западной либеральной идеологии, заключалась в том, что после распада социалистического блока в Восточной Европе и развала СССР Белград остался единственной в Европе силой, способной предложить миру альтернативный путь развития [5].

Использование санкционных инструментов давления на Иран началось сразу после исламской революции 1979 г., в результате которой к власти в Тегеране пришли ярко выраженные антизападные силы. Таким образом, Вашингтон лишился одного из своих ключевых союзников в регионе — шахского Ирана. США оказывали экономическое давление на Иран с 1979 г., однако Тегеран под санкционным давлением не изменил вектор своей внутренней и внешней политики. С 2006 г. санкции против Ирана были введены на уровне ООН, этому решению способствовало желание иранских властей иметь собственное ядерное оружие, что вызвало опасение у всех без исключения ядерных держав. Сильный удар по иранской экономике нанес запрет на экспорт иранской нефти: во времена шаха нефтедоллары были основным источником государственных доходов, а в настоящий момент доля доходов от экспорта энергоресурсов не превышает 15% (<https://oilcapital.ru/news/markets/30-11-2015/>

dolya-neftyanyh-dohodov-v-vvp-irana-sostavit-v-2016-godu-15-sovetnik-prezidenta-iri). Таким образом, потери Ирана исчисляются сотнями миллиардов долларов.

Как отмечает Р.П. Кошкин: «В первое десятилетие после распада Советского Союза Россия и большая часть стран Евразии ориентировались на Запад. Прогресс измерялся стандартами западных стран и институтов, а успехом считался доступ к рынкам и влиянию в европейских и американских организациях» [6]. Однако в настоящий момент ситуация претерпела значительные изменения.

США по-прежнему опасаются усиления роли Ирана в процессах, происходящих на Ближнем Востоке. Это выражается в том, что действующий президент США Д. Трамп предпринимает энергичные шаги для приостановления частичной отмены санкций против Ирана. Страна обладает большим потенциалом для развития, что в будущем позволит ей усиливать свое влияние в границах региона Персидского залива [7].

Новым этапом в развитии санкционных инструментов стало введение ограничений против Российской Федерации из-за событий «русской весны» 2014 г. При рассмотрении антироссийских санкций важно отметить, что их набор с марта 2014 г. был значительно увеличен. Изначально санкции вводились против конкретных лиц, принимающих решения. В дальнейшем они были расширены до отраслевых. При этом в ходе введения указанных санкционных пакетов против России подчеркивалось взаимодействие партнеров по НАТО по обе стороны Атлантики. На настоящий момент США расширили санкционный инструментарий против России вплоть до принятия соответствующего билля.

Принятие данных решений во внешней политике стран НАТО связано с тем, что западные партнеры увидели в развивающейся и укрепляющейся России угрозу для продвижения своих интересов [8]. Развитие ситуации в Грузии в 2008 г. и в Сирии в 2013 г. показало, что Москва при наличии политической воли способна отстаивать свою собственную точку зрения, в том числе в тех ситуациях, когда она в корне отличается от позиции западных стран.

Доктор политических наук, профессор РУДН Г.Ю. Филимонов отмечает: «Информационная война и санкционное давление на Россию вследствие ее последовательной линии на защиту своих жизненно важных интересов, своего народа, языка

и русского культурного пространства в целом, ярко подтверждают известный тезис американских политологов о том, что тенденции в развитии международных отношений будут только усиливать значение „мягкой силы” в общем властном балансе государств, прежде всего США, сочетающих военные и невоенные силовые компоненты в своей международной деятельности» [9].

По мнению кандидата исторических наук, профессора кафедры дипломатии МГИМО Е.М. Астахова: «Образ России зависит, прежде всего, от результатов ее политического и экономического развития, повышения благосостояния народа. Если в результате санкций Россия сможет перестроить свою экономику, то это значительно усилит ее позиции» [10].

Текущая санкционная политика против России интересна еще и тем, что после окончания bipolarного противостояния она является первым примером использования санкций как инструмента принуждения против ядерной державы, страны — постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Отметим, что откровенность в постановке задачи сохранения глобального доминирования с применением всех доступных инструментов не может не опираться на выстроенную идеологическую базу. Более того, задействованные инструменты политического, экономического, информационного и иного давления являются диалектическим отражением сознания международных акторов. И если, например, разного рода санкции столь явно становятся в глазах Запада легитимным инструментом для решения собственных геополитических и геоэкономических задач, значит, они уже являются органичной частью идеологических конструктов мышления западных политиков. Следовательно, и противостоять им нужно не только на внешнеполитическом контуре, но и в пространстве собственной идеологии.

Объективная реальность заставляет нас прийти к выводу, что если у государства нет своей идеологии, то у него неизбежно будет чужая, чаще всего привнесенная по линии «мягкосиловых» инструментов внешней политики.

Не случайным представляется, что от идеи всеобщей «деидеологизации» отказалось (одни раньше, другие позже) большинство самих ее авторов и приверженцев. Например, Раймон Арон (выступал за деидеологизацию науки и глобализацию, сторонник теории индустриального общества), Дэниел Белл (создатель теории постин-

дустриального общества, «социалист в экономике, либерал в политике и консерватор в культуре»), Збигнев Бжезинский (неоконсервативный геополитик), Роберт Нисбет (идеолог консерватизма).

Р. Арон в своей книге «Опиум для интеллигенции», сравнивая марксистскую идеологию с религиозным учением, писал: «...государство, навязывающее нам правоверное толкование каждодневных событий... толкование всего развития и, в конечном счете, — смысл человеческого бытия... хочет подчинить своей псевдо-истине творчество духа, деятельность общественных групп» [11, с. 233].

З. Бжезинский в свете развала Советского Союза отмечал: «Ограничения идеологического характера также подрывали созидательный потенциал Советского Союза, делая его системе все более косной, а его экономику все более расточительной и менее конкурентоспособной в научно-техническом плане» [12, с. 5].

Все они в итоге пришли к выводу, что под «концом идеологии» нужно понимать лишь «избыточный догматизм». А американские неоконсервативы 80–90-х гг. XX в. откровенно заявили, что «неидеологизированная политика — это политика аморальная». До нас, к сожалению, обозначенная «интеллектуальная волна» дошла с опозданием.

Без идей, как без ответа на вопрос «что делать?», общество просто не может нормально существовать. Мы — коллективный биосоциальный вид, который изначально стремился не просто выжить, но и переделать самих себя и окружающий мир в некую лучшую сторону. Большие идеи и инновации до наступления современной эпохи возникали лишь эпизодически, очевидно, потому, что очень долгое время оставались практически неизменными базовые структуры повседневности. Теперь наоборот — изменения (иногда в форме обрушения) происходят слишком быстро. Набранные темпы позволяют использовать самые различные манипулятивные технологии воздействия, чем активно пользуются западные страны. Как говорил один из отцов — основателей современного PR и пропаганды Э. Бернейс: «Сознательное и умелое манипулирование упорядоченными привычками и вкусами масс является важной составляющей частью демократического общества» [13]. В таких условиях «каркасом» общества, а значит, и любых общественных явлений может стать только четкая идеология — как система направляющих ценностных принципов и взглядов на общественно-политическое устройство. Новые идеи

должны формировать не хаотичную совокупность, а упорядоченное множество. С психологической же точки зрения «идеологемы» — это фактически цельные, несводимые к сумме своих частей образования сознания, метанарративные гештальты (от нем. Gestalt — форма, образ, структура).

Именно такие формы массового сознания выступают определяющим фундаментом в долгосрочном социальном развитии. Программные установки идеологической концепции, как правило, содержат квинтэссенцию идей и усилий для предстоящих свершений, ориентирующие положения, над которыми необходимо работать сегодня, чтобы достичь целей в будущем. Потому что «в любом диалектическом движении по кругу (спирали) начало определяет себя как неразвитый результат, а результат — как развитое начало» [14]. В этом смысле идеология — это неотъемлемая часть проектируемого будущего.

Важная сторона вопроса — кто должен и кто в конечном счете будет создавать идеологию, непосредственно участвовать в ее разработке и исполнении. Нужно работать не только в формате забюрократизированного законодательного процесса (путь подачи документа «сверху»), а слушать и слышать позицию, предложения и мнения «снизу». Только такая система идей сможет выжить в «белом шуме» информационного общества и стать маршрутом преобразований.

Национальная идея (идеология) должна содержать образ желаемого будущего, к которому нужно (можно) стремиться. Он может быть несколько размыт, но реален, достижим и обязательно должен быть привлекателен. Иной вопрос состоит в том, что заложить в «сердцевину» идеологии современной России? Президент России В.В. Путин сказал, что объединяющей идеологией должен стать патриотизм. Мы добавим — активный патриотизм. Сегодня требования к идее патриотизма исключительно высоки. Она должна не только ностальгически согревать чувства россиян, погрязшие в последнее двадцатилетие, но и определить главные направления развития страны, а значит, на ее основе должны быть созданы экономика, внутригосударственные, межэтнические и социальные отношения, мораль, эффективно действующие наука, образование, воспитание.

Все это укрепит национальную идентичность. В строгом соответствии с классическим определением политической нации (не путать с этносом, национальностью, нацизмом) «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей,

возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [15].

Тезис об отмирании наций и национальных государств в условиях глобализации носит манипулятивный характер и создан представителями западной универсалистской элиты «конца истории», поборниками утопии об идеальном «глобальном» человеке будущего, который существует вне контекста социальной принадлежности, пола, цвета кожи и страны. Однако даже большевики в начале XX в. были куда более реалистичны. Они отдавали себе отчет в том, что такой человек, если и появится, то очень не скоро и никак не ранее построения полного развитого коммунизма. Анализ же реального положения вещей пока говорит об усилении конкуренции именно между социально-экономическими нациями, которые в ходе борьбы научились наносить друг другу разрушающие удары в форме «хаотизации», «гибридных воздействий» и т.д.

Таким образом, параллельно был дан старт формированию новой платформы развития человечества — неомодернизма. В архитектуре неомодернистский стиль отвергает вычурность и избыточную усложненность постмодернизма, стремится к большей простоте и ясности. Неомодернизм предполагает возвращение мира к ярко выраженной национальной модели, к протекционизму в экономике и защите государственных интересов во внешней политике и т.д.

По этому поводу генеральный директор Российского совета по международным делам (РСМД) А. Картунов отмечает: «Внешнеполитический постмодернизм выродился до тривиального стремления удержать статус-кво и в силу этого был обречен... И все-таки, даже если на каком-то фронте наступление неомодернизма будет остановлено, а постмодернистское подполье частично преуспеет в попытках подорвать его изнутри, мир уже никогда не вернется к золотому веку постмодернизма» [16].

Закат постмодернизма (но не постмодерна) в 2010-х гг. уже был очевиден, однако становление неомодернизма (постпостмодернизма) также обещает быть долгим. В странах — центрах постмодернизма политические лидеры уже не смогли вложить новые смыслы в свою риторику, дать новое послание своим народам. Высокая поддержка Brexit в Великобритании и победа на президентских выборах Д. Трампа в США — закономерность, которая формирует тренд текущего

политического момента. В то же время важно понимать, что постмодернизм для каждой страны, для каждого народа будет свой, его еще предстоит выработать.

На волне санкционного давления нельзя не отметить, что США опираются на свои собственные национальные интересы и при наличии заинтересованности идут вразрез с принятыми ограничениями. Доктор экономических наук, сотрудник института экономики РАН А.Н. Барковский констатирует: «Одной из немногих стран, чья торговля с Россией на фоне санкций только выросла, стали США. По итогам 2014 г. объем российско-американской торговли увеличился, по данным ФТС, на 5,6% и составил около 29,2 млрд долл. При этом объемы импорта американских товаров в Россию выросли сразу на 12,1% — до 18,5 млрд долл. Доля США во внешнеторговом обороте России выросла в 2014 году с 3,3 до 3,7%» [17].

При этом США активно используют санкционные инструменты в качестве мер недобросовестной конкуренции. Доктор экономических наук, профессор, руководитель Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ Р.М. Нуреев отмечает: «Для усиления своего конкурентного преимущества Соединенные Штаты вводят запрет на экспорт в Россию технологий по нефтедобыче и нефтепереработке, а также замораживают уже существующие проекты в газовой отрасли или же отказываются от совместной работы по планируемым проектам. Такие последствия, по мысли авторов санкций, приведут к замедлению роста нефтяной и газовой промышленности в России и в конечном итоге к их техническому отставанию» [18, с. 5–17]. Пример в области энергетики является не единственным, когда США защищают свое технологическое превосходство подобными способами.

В этих условиях Москве необходимо искать новые векторы для выстраивания эффективных экономических связей. Нельзя однозначно оценить происходящие перемены во внешней торговле России. Например, за последние годы значительно возросла роль Китая как торгового партнера нашей страны. Кандидат экономических наук, доцент РЭУ им. Г.В. Плеханова Е.В. Зайцева отмечает: «Значительная переориентация на Восток представляет для нашей страны также некоторые угрозы. Наибольшие опасения вызывает стремительно развивающийся Китай, который может сделать нашу страну зависимой от себя. На

данный момент Китайская Народная Республика уже занимает 16,7% всего импорта» [19].

Вернемся к неомодернизму, базисы которого становятся все более ясными:

- суверенный национализм (каждая нация будет себя позиционировать как особую и исключительную, что характерно для многих стран, начиная от США и Польши и заканчивая Китаем);
- транзакционализм предполагает сотрудничество по экономическим вопросам, как с политическими партнерами, так и с соперниками. Ярким примером данного поворота во внешней политике США является применение методов «селективной дипломатии»;
- экономический прагматизм постепенно вытесняется интересами во внешней политике, объявляя не менее важными такие понятия, как национальная безопасность, этнокультурная идентичность, государственный суверенитет;
- историзм предполагает повсеместное использование опыта прошлого, как во внутренней, так и во внешней политике. Отсюда — возрождение давно забытых «больших нарративов»,

особенно заметное во Франции и в Японии (не стоит забывать, что, например, в России, Польше, Китае и Индии «большие нарративы» не переставали существовать даже на пике развития постмодернизма). Это явление ведет к крушению универсального подхода, характерного для постмодернизма.

На современном этапе развития весьма сложно говорить о скорой победе неомодернизма. Ярко прослеживается нежелание наднациональных элит возвращаться в эпоху сильных государств-наций, в настоящий момент серьезная борьба идет внутри американского общества, Германия в ЕС стала одним из проводников постмодернизма и т.д. Исход этой борьбы пока не ясен, однако, учитывая быстрые темпы развития современного общества, отметим, что век неомодернизма, вероятно, может оказаться недолгим. Мировые лидеры, народы, государства находятся в постоянном поиске базиса для будущего развития, сейчас никто не может сказать, куда политическая мысль пойдет через год-два, не говоря уже про глобальные прогнозы, которые в конце XIX в. строил К. Маркс и его последователи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Gompert, David C. and Hans Binnendijk. *The Power to Coerce: Countering Adversaries Without Going to War*. Santa Monica, CA: RAND Corporation; 2016. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1000.html.
2. Балугев Д.Г. Эволюция экономических санкций как инструмента внешней политики. *Международные процессы*. 2014;3(38):25.
3. Казанцев С.В. Антироссийские санкции — монолог с позиции силы. *Экономическая политика*. 2015;(1):13–30.
4. Глебова Н.С. О ситуации вокруг арабского бойкота. Институт Ближнего Востока РАН. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3913>.
5. Пономарева Е.Г. Да не будет забыто! Агрессия НАТО против Югославии. *Обозреватель*. 2014;(6):83–100.
6. Кошкин Р.П. Россия и перспективы глобального управления: геополитические аспекты проблемы. *Стратегические приоритеты*. 2017;4(16):52–77.
7. Юртаев В. И. Иран в ситуации трансформации санкционного режима. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017;10(2):66–80.
8. Бажанов Е. Россия и Запад. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/985>.
9. Филимонов Г.Ю. Внешняя политика США: технологии формирования параллельной реальности. *Геополитический журнал*. 2014;(7):2–10.
10. Астахов Е.М. Задачи России в информационной войне. *Ежегодник Института международных исследований московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации*. 2014;(4):136–141.
11. Арон Р. Опиум для интеллигенции. Пер. с фр. Мюнхен: ЦОПЭ; 1960. 240 с.
12. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и ее геостратегические императивы). М.: Междунар. Отношения; 1998.
13. Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing LTD; 2010.
14. Смирнов И.К., Попов М.В. Диалектика капитализма и социализма. СПб.: Фонд Рабочей Академии; 2015.
15. Сталин И. Марксизм и национальный вопрос. Соч. Т. 2. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы; 1946.

16. Кортунов А. От постмодернизма к неомодернизму, или Воспоминания о будущем. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-postmodernizma-k-neomodernizmu-ili-vozpominaniya-o-budushch/>.
17. Барковский А.Н., Алабян С.С., Морозенкова О.В. Последствия западных санкций и ответных санкций РФ. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2015;(9):3–7.
18. Нуреев Р.М., Петраков П.К. Издержки и выгоды обмена санкциями. Институциональная Трансформация Экономики: Пространство и Время. Сборник докладов V Международной научной конференции: в 2-х т. Кемерово: Кемеровский государственный университет; 2017.
19. Зайцева Е.В. Санкция на санкцию: запреты, введенные Россией и Западом, влияние на дальнейшее развитие РФ. *Молодой ученый*. 2016;(2):493–497.

REFERENCES

1. Gompert, David C. and Hans Binnendijk. The Power to Coerce: Countering Adversaries Without Going to War. Santa Monica, CA: RAND Corporation; 2016. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1000.html.
2. Baluev D. G. Evolution of economic sanctions as an instrument of foreign policy. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2014;3(38):25. (In Russ.).
3. Kazantsev S. V. Anti-Russian sanctions: a monologue from a position of strength. *Ekonomicheskaya politika*. 2015;(1):13–30. (In Russ.).
4. Glebova N. C. On the situation around the Arab boycott. Institut Blizhnego Vostoka RAN. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3913>. (In Russ.).
5. Ponomareva E. G. Never forget! The NATO aggression against Yugoslavia. *Obozrevatel'*. 2014;(6):83–100. (In Russ.).
6. Koshkin R. P. Russia and prospects of global governance: geopolitical aspects of the problem. *Strategicheskie priority*. 2017;4(16):52–77. (In Russ.).
7. Yurtaev V. I. Iran in the situation of transformation of the sanctions regime. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*. 2017;10(2):66–80. (In Russ.).
8. Bazhanov E. Russia and the West. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/985> (In Russ.).
9. Filimonov G. Yu. The U.S. foreign policy: technologies of parallel reality formation. *Geopoliticheskii zhurnal*. 2014;(7):2–10 (In Russ.).
10. Astakhov E. M. Russia's tasks in the information war. *Ezhegodnik Instituta mezhdunarodnykh issledovaniy moskovskogo gosudarstvennogo instituta mezhdunarodnykh otnosheniy (universiteta) Ministerstva inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii*. 2014;(4):136–141. (In Russ.).
11. Aron R. The opium of the Intellectuals. München: TsOPE; 1960. 240 p. (In Russ.).
12. Bzhezinskii Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya; 1998. (In Russ.).
13. Bernays E. L. Propaganda. Moscow: Hippo Publishing LTD; 2010. (In Russ.).
14. Smirnov I. K., Popov M. V. Dialectics of capitalism and socialism. St. Petersburg: Fond Rabochei Akademii; 2015. (In Russ.).
15. Stalin I. Marxism and the national question. Collected works, vol. 2. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1946. (In Russ.).
16. Kortunov A. From Postmodernism to Neo-modernism, or Memories of the future. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-postmodernizma-k-neomodernizmu-ili-vozpominaniya-o-budushch/>. (In Russ.).
17. Barkovskii A. N., Alabyan S. S., Morozenkova O. V. Consequences of the Western sanctions and retaliatory sanctions of the Russian Federation. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*. 2015;(9):3–7. (In Russ.).
18. Nureev R. M., Petrakov P. K. Costs and benefits of sanctions exchange. In Institutional transformation of the Economy: Space and Time. Sbornik dokladov V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: v 2-kh tomakh. Kemerovo: Izdatel'stvo Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta; 2017. (In Russ.).
19. Zaitseva E. V. Sanction for sanction: bans imposed by Russia and the West, the impact on the further development of the Russian Federation. *Molodoi uchenyi*. 2016;(2):493–497. (In Russ.).